

ШИМОН СЕФЭРО

В 4121 году Юлиан Отступник стал императором Византии. Он разрешил евреям вернуться в Иерусалим и начать строительство Храма. Юлиан объявил также о своём желании идти войной на Персию, к Экбатане и Сузам.

Асаф принёс эти вести в бет-мидраш, восстановленный учениками рабби на месте разрушенной бани кофена Элиазара в Тверии. За стенами пылал хамсин, но рабби Шимон в глубоком размышлении почти не ощущал жары. Вчера он получил второе послание из далёкой, невообразимо далёкой страны, которая дальше Гиркании – из города Тэрэбанта.

«Где край земли и где оканчиваются пути изгнания? – думал он. – Персы не так страшны для евреев, как последователи жестокой секты, захватившей власть по обе стороны моря. Они ненавидят евреев и не позволят Юлиану одолеть персов. Не следует надеяться на Отступника – рано или поздно христиане свергнут его. Но если персы войдут в Иерусалим, евреи восстановят Храм...».

В полдень шамаш принёс фрукты. Ученики сели, поджав ноги, на пол вокруг низкого стола. Рабби взял в руки свиток и стал читать:

«В день третий от святой субботы, в первый день месяца Тамуз, в год 4121 от сотворения мира, пишем вам, праведникам Израиля, хранящим Тору под мечом врагов.

Здесь святая община народа Яакова, возлюбленного Творца, благословенно Имя Его!

Евреи города Тэрэбант как овцы без пастуха, как малые дети без наставника. Жаждающие мы, но некому дать из Источника, так как остались без учителя и не можем сами читать в шаббат в соответствии с Законом.

Милосердный удостоит вас силой и здоровьем, а мы оплатим все расходы на дорогу и содержание того, кто возьмёт на себя заботу о наших душах.

Как сказал наш царь святой, Давид: «Чтобы спасены были любимые Тобой».

Бэ-эзрат на-Шем, самые малые из детей Яакова».

Рабби отложил свиток и прикрыл глаза.

– Кто отправится на край земли? Мы обязаны жить в Эрец Исраэль, – прервал тишину Шломо Агальиль.

– Рабан Гамлиэль, – открыл глаза учитель, – решил идти в другую страну – обучать Торе и изучать Тору.

– Да-да, – заговорили все разом, – рабби, ради заповеди следует идти. Мы пойдём, если ты решишь.

– Я решил. Путь опасен, но Всесильный нас сохранит. Караван Абу Юсифа выходит в дорогу в йом-ришон. Каждый, по желанию своему, может идти со мной.

Пять дней группа евреев, закутанных в арабское тряпье, шла с караваном купцов. На шестой день их принимала община Дамасэка. Это был первый шаббат в пути, с горячей водой и крышей над головой.

Пришло время следующему шаббату. В сирийской пустыне поселения далеки друг от друга, но караванщики не хотели терять из-за евреев день пути. Тогда те отдали им десятую часть из всей суммы, собранной на дорогу, чтобы не бросили их без охраны.

Вечером, окончив все приготовления к шаббату, рабби Шимон очертил круг стоянки и обозначил *эрув тэхумин* – место шаббатней стоянки. Помолились и сели за трапезу.

Глубокой ночью караванщики зажгли факелы и стали кричать. Слышны были топот и стоны, однако в пределы еврейского лагеря никто не вошёл. Ученики рабби Шимона сидели, прижавшись друг к другу, ждали рассвета.

Постепенно небо от севера до востока прояснилось. Открылись следы побоища: шатры разорваны, нет ослов и верблюдов, нет товаров, которые они везли. И нет ни одного живого человека.

При свете солнца, обследовав всю стоянку, путешественники поняли, что ночью разбойники напали на лагерь, разграбили караван, перебили охрану, а остальных увели в плен. Чудо, что евреев не тронули. Наверное, потому, что стоянка их была в стороне.

Окончился шаббат. Утром, сразу после ранней молитвы, маленький еврейский отряд двинулся в путь.

В пустыне нет дорог. Выбирай любое направление, только бы была вода. День за днём шли евреи на север, словно ангел вёл их. К концу дня приходили или к колодцу, или к источнику. Потом пустыня кончилась и ночёвки стали устраивать в селениях: сначала арабских, потом персидских, а иногда и еврейских.

Рано или поздно всё имеет конец – даже самая длинная дорога. К вечеру 18 Элула путешественников встречали евреи Тэрэбанта.

Пинхас Афгани, у которого был большой дом, взял к себе рабби и его спутников.

Рабби Шимона теперь звали Сефэро, потому что стал он *Софером* – учителем общины.

Оставшиеся дни готовились к Судному Дню.

После полуночи рабби Шимон Сефэро пришел в *нимаз*, то есть в дом собрания – в бет-кнессет и трубил в шофар. Евреи становились вокруг и повторяли за ним слова Молитвы Раскаяния. Молились, пока солнце не поднималось над бирюзовым морем. Днём здесь же учили *Мишну* – начало Устной Торы, записанную на маленьких пергаментных свитках.

Один из свитков Мишны с расчётами еврейского календаря рабби Шимон получил из рук самого рабана Гамлиэля II, правнука великого хилеля и деда рабби Йеһуды ха-Наси.

Теперь, далеко от Ирушалаима, далеко от родной земли, евреи не потеряют ни одного дня в году, не потеряют ни прошлое, ни настоящее, ни будущее.

В эти несколько дней, оставшиеся до праздника, люди заблаговременно бросали работу и собирались

в большой выбеленной комнате. Сидели на полу на толстых грубых коврах, вслушиваясь в слова рабби, поясняющего Мишну:

– Четыре раза в году Творец судит мир:

В Песах выносит приговор на урожай полей, сколько будет хлеба. В Ацерет, в праздник Шавуот, – на урожай садов, на фрукты. В праздник Суккот Творец выносит приговор на воду, на дожди, питающие Святую Землю.

Но в Рош а-Шана все люди проходят перед Ним, как ягнята перед пастухом, а Он, «Создавший сердца всех их, понимающий все дела их», решает судьбу каждого по делам исполненным и по делам, что должен был исполнить и не исполнил.

Евреи внимательно слушали, хотя не всегда понимали учёный язык *арамит* – арамейский, язык Талмуда, куда рабби вставлял слова из священного языка. Приятнее было слушать его комментарии на фарси, но он неохотно пользовался этим языком в нимазе.

У общины было два *габая* – старосты, два старика: Азарьё бин Хия занимался хозяйственными делами, Нисон бин Зовулу ведал кассой. Каждый год, за день до Рош а-Шана, они становились перед общиной, и каждый год евреи кричали и спорили о потраченных деньгах.

А сейчас габаи молча сидели под старой акацией и думали об одном: «Дорого, очень дорого обходится нам содержание торэхуна рабби Шимона и его йешивы. Однако должны же понимать люди, что любая цена для Торы мала».

Повернулся Азарьё к другу:

– Потерянные мы в этом мире, забыли всё, а этот рабби нам праздники вернул.

– И хоронить научил, – добавил Нисон.
– Если рабби женить, он навсегда останется с нами.

– Барух ха-Шем, вдов у нас нет, но кто отдаст свою дочь за старика?

– Он старик? Нет, седой он, а голова бела от горя и страданий. На его глазах ноцрим убили жену и сыновей, а спасти их, привязанный к столбу, он не мог. И ещё скажу тебе, уважаемый Нисон, когда рабби приходит в мой дом, мы поём *мизморы* – песни святого царя Давида. Он поёт, а я тихо повторяю, слушаю его и плачу: «Если бы не ха-Шем, который был с нами, когда народы восставали на нас, они, пылая яростью, проглотили бы нас живьём... Благословен Он, что не отдал нас на растерзание...»

Мы поём, а внучка Шошана садится в тёмный угол и не отрывает от него глаз. Надеется, что получит ответ от рабби, и я хотел бы, чтобы стал он моим зятем. О, Благословенный, на то воля Твоя.

Между *минхой*, полуденной молитвой, и вечерней молитвой мужчины Тэрэбанта слушали габаев. Согласились давать на йешиву по динару с семьи и построить дом для рабби, чтобы женился и жил как все.

Окончились осенние праздники. Холодный ветер дул с моря. То в одном, то в другом доме объявляли о свадьбе – это община приняла учеников рабби.

Учитель теперь жил один в новом доме; никто не знал, когда он ложился и когда вставал.

Днём он молился или писал тростниковым пером на пергаменте, который сам же выделывал из бычьей кожи, засоленной в бочках габая Азарьё.

А ночью в его окне, затянутом бычьим пузырём, горела лампада – горела подобно жёлтой звезде, близ-

кой и далёкой одновременно.

Шошана, внучка старого Азарьё, поднималась на большой серый камень у дороги перед домом, и смотрела на тень человека над лампадой.

Душа болела, что он одинок в этом мире, мечтала быть рядом с ним, служить ему, подавать ему еду... Но он не видит, не знает.

Когда возвращалась домой, её встречал дедушка. Все спали, а он учил внучку говорить с *ha-Шемом* или рассказывал о Дворе, которая была судьёй еврейского народа, рассказывал о моавитянке Рут – прабабушке царя Давида, рассказывал о Ханне, освятившей Имя Благословенного.

После этого Шошане снились холмы далёкой страны, высокие пальмы *тэмарим* – фиников, на берегу синего озера, и белый город, парящий над холмами.

Люди привыкли к рабби Шимону Сефэро, к ежедневным беседам между двумя молитвами.

Но они не понимали, почему рабби, когда читает в шаббат, не желает объяснять слова Торы, пока не завершит всю недельную главу. Просили переводить каждый *насук* – стих, а он отвечал, что нельзя прерывать чтение. Евреи Тэрэбанта спорят, а он прикроет глаза и молчит.

В холодный зимний месяц, в ходеш Кислев, снежная пыль поднимается над горами, а в нимазе тепло, пахнет шаббатными травами. Рабби читает главу о лестнице Яакова. Просили остановиться, объяснить, почему *малъахей Элоким* – ангелы Всесильного – поднимаются и спускаются, но он читал до последнего слова, до *маханаим*.

Рассердились на рабби, окружили, кричат, что не служит общине, как надо. Он тихо-тихо – но все

услышали, – ответил, что служит ha-Шему.

Однажды утром он сказал тем, кто был на молитве, что покидает город и возвращается в Ирушалаим, но что остаются его ученики. И просил он прощения у общины. Евреи слушали, молчали, и было им больно и стыдно.

Ветер с моря к земле гнёт, колючим снегом бьёт по лицу. Рабби посмотрел на окна дома, где жил, на толпу замёрзших евреев на дороге, поднял правую руку, благословил их. В руке дорожная палка, мешок за спиной. Пошёл, как будто не касаясь земли, как чёрный парус, полетел под ветром.

Шошана выскочила из рук деда, бежит, вот-вот догонит. Нет, не догнала, упала на белую дорогу, плачет, кричит. А парус ветром унесло.